

УДК 903.2

А.П. Деревянко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru*

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ: ВЗГЛЯД ИЗ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Вместо заключения

Введение

Дискуссия о переходе от среднего к позднему палеолиту, проведенная на страницах журнала “Археология, этнография и антропология Евразии”, выявила много новых подходов к решению этой очень важной для мировой археологии проблемы.

Прежде чем перейти к обсуждению основной темы, сделаю два замечания.

Эволюция физического типа человека и всех составляющих элементов его культуры в последние 2,5 млн лет в плейстоцене протекала на фоне непрерывно меняющейся природной обстановки. Эти изменения не были очевидны для одного или нескольких поколений, но в целом климатические флуктуации приводили к резкой или медленной смене природной среды. Это заставляло человека менять адаптационные стратегии, совершенствовать орудийный набор, искать новые источники питания, уходить в более благоприятные для жизнедеятельности географические районы. Дендроклиматический метод позволяет зафиксировать, помимо длительных изменений, погодичные, а также внутривековые (от 2–3 до 60 лет) и вековые (свыше 60 лет) колебания климата. Дендроклиматические исследования на Полярном Урале позволили выявить два исключительно холодных внутривековых колебания – в середине XV и конце XIX в. Холодные летние сезоны были в конце XIII – начале XIV в., середине XIV и начале XIX в. [Ваганов и др.,

1996; Шиятов и др., 2002]. Из письменных источников по средневековой истории стран Центральной и Восточной Европы известно о катастрофических последствиях вековых изменений климата в XI–XVII вв.: голод и болезни уносили миллионы жизней.

Археологи в ходе исследования адаптационных стратегий, динамики орудийного набора и т.п. часто учитывают только длительные изменения климата (стадиалы и интерстадиалы), потому что для плейстоцена не могут быть выявлены кратковременные внутривековые колебания климата. Но такие флуктуации в плейстоцене были, они, несомненно, влияли на жизнь древних популяций, может быть, в гораздо большей степени, чем глобальные изменения климата.

Актуальным представляется выявление причин появления новых элементов в методе и технике обработки камня, кости и дерева, а также форм и типов каменных орудий. Рождение инноваций может быть объяснено миграциями, диффузией и аккультурацией, контактами древнего населения, развитием адаптационных стратегий под влиянием изменений климата, природной среды и фауны. В археологии пока отсутствуют общепринятые критерии оценки каждого из этих событий, да и вряд ли их можно выработать. Исследователи, исходя из своего профессионального опыта, знаний и интуиции, ищут объяснение тем или иным изменениям в жизни древнего человека.

Очень важна проблема конвергенции. Возможно, близкие формы каменных орудий на разных террито-

риях появились не в результате миграций, а в процессе эволюции каменных индустрий, которые в далеком (недалеком?) прошлом имели общие корни, общую основу и (или) отличались маловариантностью технических приемов и способов получения пластин и микропластин. На обширной территории Евразии 50–35 тыс. л.н. проявилась общая тенденция к прогрессивной модификации методов и способов получения пластин и микропластин, а также стандартизации их форм. Если технологические изменения рассматривать только как следствие миграций, то проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту никогда не решить, потому что мы не знаем расписания “чартерных авиарейсов” наших предков и логику выбора направления этих “полетов”. Это, в частности, относится к ориньякской проблеме. Кареноидные и некоторые другие формы каменных орудий, типологически близкие к ориньякским, которые появились на Алтае 45–38 тыс. л.н., не могут учитываться при решении ориньякской проблемы, т.к. эти изделия – результат внутренней логики развития местной индустрии позднего среднего палеолита. Следы миграции с европейской части Евразии на Алтай или наоборот не прослеживаются. На Ближнем Востоке, в Передней и Малой Азии, Европе в то время при достаточно большой плотности населения шел очень интенсивный и быстрый обмен информацией. Объяснять все инновации только переселением неправильно, поскольку жизнь наших предков не могла быть броуновским движением. Миграционные процессы в эпоху палеолита в целом, безусловно, имели место. Это были перемещения внутри отдельных регионов, длившиеся сравнительно недолго, и глобальные миграции, которые протекали в течение десятков и сотен тысяч лет. Остановимся более подробно на последних.

Глобальные миграции человека в Евразии

Накопленный фактический материал позволяет проследить две глобальные миграционные волны в Евразии.

В ходе первой миграционной волны *Homo erectus* / *Homo ergaster*, вышедший из Африки (не позднее 2 млн л.н.), в течение нескольких сотен тысяч лет заселил значительную часть Евразии. Для участников этого процесса характерна индустрия олдувайского типа. Естественно, что для разных орографических, природно-климатических и т.п. зон характерны свои, порой выделяющиеся особым своеобразием формы и типы каменных орудий. В этом смысле определенным феноменом является появление среди раннепалеолитических местонахождений микроиндустрий, зафиксированных на памятниках в ряде районов Евразии: Изерния ла Пинета в Италии, Бизат Рухама в Израиле, Кульдара и др. в Таджикистане, Кошкурган и др.

в Казахстане, Кульбулак в Узбекистане, Сяочанлянь, Дунгуту и др. в Китае. У нас нет однозначного объяснения этому феномену, ибо местонахождения с микроиндустрией отделены друг от друга тысячами километров и несколькими сотнями тысяч лет. Это проблема для дальнейших исследований.

Вторая миграционная волна, которая начала двигаться 450–350 тыс. л.н., скорее всего, с Ближнего Востока, связана с распространением в Евразии позднеашельской индустрии, индикаторами которой являются элементы леваллуазского первичного расщепления и бифасы. Последние далеко не всегда входят в позднеашельские и раннесреднепалеолитические ансамбли каменного инвентаря. Позднеашельская, а затем раннесреднепалеолитическая индустрии в различных районах Центральной Азии представлены по-разному. На большей части региона, видимо, происходила аккультурация, т.е. смешивание местного и пришлого населения (как и индустрий). Наиболее хорошо это проявилось на территории Казахстана и Монголии. На территории Таджикистана в течение длительного времени доминировала галечная традиция первичной обработки камня (фиксируется большая доля галечных орудий). В Горном Алтае прошлое население не встретило более древних популяций. Представители первой миграционной волны, будучи малочисленными, вымерли или ввиду похолодания ушли в более южные широты. Позднеашельская – раннесреднепалеолитическая индустрии развивались здесь только в результате эволюционных процессов, происходивших на фоне изменений окружающей среды.

Уже на раннем этапе среднего палеолита территорию, заселенную человеком, можно разделить на три крупные зоны, в которых зафиксированы принципиально отличающиеся друг от друга индустрии: Африка, Юго-Восточная и Восточная Азия (китайско-малайская зона) и остальная часть Евразии. Разумеется, в пределах каждой зоны развитие индустрий имело свою специфику в виде мозаичности разновидностей культур. В пограничных между зонами районах можно отметить территории аккультурации. Считаю важным остановиться на обосновании необходимости выделения в особую зону Восточной и Юго-Восточной Азии. На этой территории начиная с первоначального заселения индустрия развивалась вплоть до среднего этапа верхнего палеолита по своим внутренним законам, без какого-либо существенного влияния извне (т.е. довольно изолированно).

Вторая волна древних популяций человека с позднеашельской индустрией достигла территорий Монголии и Индии. На территории Китая только в северозападной части, в Синьцзяне, участникам Китайско-американско-российской экспедиции в 2004 г. удалось найти более 20 местонахождений среднепалеолитического времени, имеющих много общего с индуст-

риями Монголии. На остальной территории использовались иные техники первичной обработки: биплярная, прямого удара и наковальни (block-on-block). Все они основаны на применении жесткого отбойника. Нигде на территории Китая не зафиксированы признаки леваллуазской системы первичного расщепления. Всем хорошо известна гипотеза Х. Мовиуса о двух линиях развития в раннем палеолите. Он разделил раннепалеолитическую ойкумену на территории, где были ручные рубила, и выделил Восточную и Юго-Восточную Азию с галечными орудиями типа чопперов и чоппингов. В настоящее время орудия типа рубил зафиксированы в ранне-, средне- и позднепалеолитических местонахождениях Восточной и Юго-Восточной Азии. На территории Китая известно более 30 таких местонахождений, но выявленные в них ручные рубила типологически отличаются друг от друга. Можно сказать, что географически эти местонахождения отдалены друг от друга на сотни километров, а хронологически – на сотни тысяч лет. Наиболее ранние и многочисленные бифасы обнаружены в пров. Гуанси на плато Байсэ, расположенном неподалеку от границы КНР и Вьетнама. В этом году мне удалось посетить эти местонахождения. Рубила зафиксированы *in situ* в литологическом горизонте, датированном по тектитам ок. 800 тыс. л.н. В этом же горизонте найдены орудия с двусторонне обработанным лезвием, среди которых выделяются чоппинги с меньшей и большей (т.н. рубила) площадью обработанной поверхности. С моей точки зрения, появление на территории Китая двусторонне обработанных орудий, близких к ашельским, – результат конвергенции. Сопровождающий их инвентарь не имеет ничего общего с ашельской культурой. На территориях к западу от Китая не найдены рубила столь древнего возраста. Появление рубил в Байсэ – прекрасный пример конвергенции в раннем палеолите. В различных районах Китая в разные эпохи каменного века, включая неолит, появлялись двусторонне обработанные орудия, не имеющие морфологической приемственности с рубилами из Байсэ. Это тоже результат конвергенции на более поздних хронологических этапах и изменений адаптационных стратегий. Двусторонне обработанные орудия из Динцунь отличаются от рубил с плато Байсэ типологически и технологически, а также по возрасту – они “моложе” на 500–600 тыс. лет. Некоторые исследователи на палеолитических местонахождениях в Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Бирма, Таиланд) среди орудийного набора выделяют кливеры. Но эти изделия, как и рубила, встречаются спорадически, на разновременных стоянках и типологически отличаются от ашельских кливеров. Таким образом, можно достаточно уверенно утверждать, что ашельская индустрия не распространялась на территории Восточной и Юго-Восточной Азии.

В африканской, евразийской и китайско-малайской зонах на протяжении всего среднего палеолита развивались отличные друг от друга индустрии. Особенности хорошо прослеживаются и в индустриях переходного периода от среднего к верхнему палеолиту, и на раннем этапе верхнего палеолита. На современном уровне знаний, беря за основу каменную индустрию, мы вправе рассматривать три глобальные модели перехода от среднего к позднему палеолиту: африканскую (представленную атерийской традицией), евразийскую (характеризующуюся стандартизацией форм пластинчатого расщепления и микрорасщеплением) и китайско-малайскую. На территориях между выделенными зонами могут быть выявлены районы аккумуляции, например, Северо-Восточная Африка (Киренаика и нижнее течение Нила). В территориальных рамках этих трех огромных зон в силу географической удаленности, особенностей природно-климатических условий на среднем и финальном этапах позднего плейстоцена и других причин сформировались специфические варианты перехода от среднего к позднему палеолиту.

Переход от среднего к позднему палеолиту на территории Горного Алтая (археологический аспект)

Рассмотрим проблему на примере алтайского варианта евразийской модели.

Алтайский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту хронологически и содержательно особенно близок к ближневосточному варианту евразийской модели. Это можно объяснить тем, что евразийская модель в целом формировалась на индустриальной основе, характерной для древних популяций второго глобального миграционного потока. На Алтае эта группа мигрантов не встретила более древнего населения; это было второе “первичное” заселение территории. В последующем культура и индустрия развивались здесь, в основном не испытывая влияния других культур, на фоне благоприятной природной среды.

Древние индустрии Горного Алтая, датируемые 300–20 тыс. л.н., можно отнести к наиболее хорошо изученным в Евразии. В течение более чем 20 лет стратегия ИАЭТ СО РАН в области изучения палеолита строится таким образом, чтобы, проводя полевые работы на территориях Монголии, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, основное внимание сосредоточивать на исследовании палеолитических комплексов на территории Горного Алтая, прежде всего в долинах рек Ануй и Урсул, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. В этом районе несколькими экспедициями одновременно исследовались

шесть стоянок в пещерах и около десяти стоянок открытого типа. Все палеолитические местонахождения удалены от Денисовой пещеры не более чем на 100 км. Отложения большинства из них включают 20 литологических образований и более, как правило, культуросодержащих. В полевых и лабораторных исследованиях принимали участие археологи, геологи, геоморфологи, палеоботаники, палеонтологи, антропологи, геохронологи, палеопедологи ИАЭТ СО РАН, других научных центров и вузов Новосибирска, Москвы и Санкт-Петербурга, а также ученые из других стран. По результатам работ опубликованы несколько книг и сотни статей. Упомяну только последнюю монографию о некоторых стоянках в районе Денисовой пещеры – “Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая” [2003], в которой отражен характер комплексных исследований. К сожалению, многие публикации (в силу разных причин) не знакомы широкому кругу исследователей за рубежом. Это хорошо видно по представленным в журнал статьям.

Многослойная стратиграфия пещерных и открытых стоянок наиболее полно отражает процессы осадконакопления. Изучение ископаемых объектов из вмещающих пород позволяет реконструировать палеоклиматическую, палеогеографическую обстановку, состав растительных ассоциаций и животный мир в конце среднего – позднем плейстоцене. Индустрии, включенные в разновозрастные литологические тела, отражают динамику культуры человека за последние 300 тыс. лет.

Индустрия среднего палеолита на территории Горного Алтая характеризуется поразительной гомогенностью. Это не означает, что она не развивалась. Изменения имели место и были обусловлены определенными причинами. Например, стоянки, относящиеся к 70–60 тыс. л.н., отличаются от более ранних большей долей зубчатых, выемчатых и близких к ним форм. Согласно палинологическим данным, в это время увеличилось количество темнохвойных пород. Более широкое распространение зубчатых и выемчатых форм свидетельствует об адаптации человека к меняющимся экологическим условиям, переходе к более активному использованию в хозяйстве изделий из дерева. С этих позиций следует рассматривать и появление на отдельных местонахождениях (Усть-Каракол-1 и Ануй-3) бифасиальных изделий.

На финальном этапе среднего палеолита (60–50 тыс. л.н.) в индустрии Горного Алтая наметились две линии развития – кара-бомовская и усть-каракольская. Одной из причин такого разделения могло быть формирование разных адаптивных стратегий. Стоянка Кара-Бом расположена на высоте 1 100 м, а Усть-Каракол-1 и Денисова пещера – 700 м. Несомненно одно – обе эти традиции вызревали в процессе эволюции единой среднепалеолитической культуры. На их основе 50–40 тыс. л.н. сформировались два ва-

рианта ранневерхнепалеолитической индустрии. Уникальность многослойных среднепалеолитических местонаждений Горного Алтая, находящихся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, состоит именно в том, что они позволяют проследить эволюцию от среднепалеолитических к верхнепалеолитическим индустриям. Появление кареноидных и некоторых других ориньякоидных форм в усть-каракольском варианте верхнего палеолита – не результат каких-то мифических миграций, а следствие эволюции местной индустрии, и это явление конвергентного порядка. Ранее усть-каракольский вариант датировался в широком хронологическом диапазоне – от 30 до 50 тыс. л.н. В марте этого года пришло письменное сообщение из Института популяционной генетики человека и животных им. М. Планка (Лейпциг) о том, что для слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры получена дата $48\,650 \pm 2\,380/1\,840$ л.н. Это еще одно важное уточняющее свидетельство древности верхнего палеолита на Алтае.

В статьях журнала, напечатанных в рамках дискуссии, убедительно показано, что начало формирования верхнего палеолита на территории Горного Алтая относится к 50–40 тыс. л.н. На стоянках этого времени фиксируются появление призматических и подпризматических нуклеусов, отжимное расщепление (мягкий отбойник применяли и в более раннее время), кареноидные формы, концевые скребки, резцы, изделия из кости и другой инвентарь, характеризующий культуру верхнего палеолита. На нескольких стоянках обнаружены набор личных украшений и следы символической деятельности. Все это в совокупности – свидетельства формирования верхнего палеолита на территории Горного Алтая ранее 40 тыс. л.н.

Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая (антропологический аспект)

Принципиально важным является вопрос об интерпретации палеоантропологических находок из двух пещер – Денисовой и Окладникова. Материалы были опубликованы в ряде статей журнала, но я считаю необходимым повторить обобщенные результаты исследований [Деревянко, Шуньков, 2004].

В горизонте 22.1 Денисовой пещеры обнаружен, по определению Е.Г. Шпаковой [2001], второй нижний левый молочный моляр m_2 ребенка 7–8 лет, а в отложениях слоя 12 – верхний левый медиальный постоянный резец I^1 взрослого человека. Из слоев пещеры Окладникова получены пять зубов подростков 12–14 лет и детей 5–7 лет: второй нижний правый молочный моляр m_2 (слой 7), первый нижний левый премоляр P_1 , первый (второй?) нижний левый посто-

янный моляр $M_{1(2)}$, третий нижний правый постоянный моляр M_3 (слой 3) и третий нижний левый постоянный моляр M_3 (слой 2). Этот материал имеет чрезвычайно важное значение для изучения вопросов, касающихся последовательности заселения территории Алтая представителями рода *Homo*. Образцы зубов из алтайских пещер исследовались несколькими специалистами, в результате чего были получены три разных интерпретации таксономической принадлежности одонтологического материала.

Согласно заключению К. Тернера, зубы ископаемых гоминидов из алтайских пещер имеют ряд хорошо выраженных черт неандертальского одонтологического комплекса, тяготеющего к представителям европейских, а не азиатских групп *Homo sapiens neanderthalensis* [Turner, 1983, 1990]. По мнению В.П. Алексеева, малочисленность и сохранность образцов не позволяют однозначно определить их таксономическую принадлежность. С его точки зрения, по морфологическим особенностям эти зубы можно связывать с ископаемым человеком современного физического типа [Alekseev, 1998].

Наличие двух разных интерпретаций послужило поводом для проведения Е.Г. Шпаковой детального анализа морфологических особенностей зубов. По метрическим показателям и описательным признакам она установила, что несмотря на отдельные архаичные черты, одонтологический материал из алтайских пещер, скорее всего, связан с представителями ископаемого человека современного физического типа — ранним *Homo sapiens sapiens* [Шпакова, 2001].

Мнение К. Тернера о таксономической принадлежности одонтологического материала из пещер Горного Алтая с момента его опубликования широко цитировалось в различных исследованиях по антропогенезу и упоминалось в энциклопедических изданиях [Encyclopedia..., 2000]. Однако сегодня более аргументированным следует признать заключение, которое дала Е.Г. Шпакова. Она уточнила позицию молочного моляра из Денисовой пещеры на челюсти и доказала, что этот зуб является вторым нижним левым моляром. К. Тернер определил его как первый правый моляр. По размерам второй молочный моляр у гоминидов, как правило, превосходит первый и, выходясь из вариационного ряда метрических характеристик первых моляров, сближается с зубами неандертальских форм. Если рассматривать эти размеры в вариационном ряду вторых моляров, то они соответствуют параметрам зубов ископаемых людей современного физического типа. Кроме того, соотношение горизонтальных диаметров коронки исследованного зуба отражает редукцию вестибулолингвального диаметра. Подобная тенденция отмечена и у представителей ископаемых форм *Homo sapiens sapiens*.

Форму лингвальной поверхности медиального резца взрослого субъекта Е.Г. Шпакова считает нехарактерной для пренеандертальских и неандертальских групп, у которых не зафиксирован мощный мезиальный краевой гребень при отсутствии дистального, как на резцах из Денисовой пещеры.

Хорошая сохранность эмали резца и отсутствие на ней следов гипоплазии свидетельствуют, по мнению Е.Г. Шпаковой, о достаточно стабильном биологическом развитии субъекта, которому принадлежал зуб. Палеолитические обитатели Денисовой пещеры, вероятно, жили в относительно комфортных условиях окружающей среды, без сильных физиологических стрессов, возникающих в результате длительного голодания или хронических болезней [Шпакова, Деревяно, 2000].

С 2003 г. началось сотрудничество Института археологии и этнографии СО РАН с Институтом популяционной генетики человека и животных им. М. Планка. Профессором С. Паабо и его сотрудниками для анализа ДНК были взяты образцы из остеологических материалов пещер Денисовой и Окладникова, а также из всех палеоантропологических находок фиалы среднего и раннего верхнего палеолита, выявленных на территории Сибири, Русской равнины и Крыма. Из палеоантропологических находок в Денисовой пещере ДНК извлечь не удалось, а из материалов пещеры Окладникова ДНК получена. В ближайшее время мы надеемся иметь конечные результаты. По сообщению С. Паабо, рацион питания обитателя пещеры Окладникова был таким же, как и современного человека.

Пещера Окладникова остается некоторой загадкой для исследователей палеолита Горного Алтая [Деревяно, Маркин, 1992]. Это первая пещера, которая исследована полностью. Ее индустрия относится к разряду пластинчатых. Специфика каменного инвентаря заключается в том, что среди находок большую долю составляют орудия труда (в среднем свыше 30 %), из них преобладают скребла различной модификации, в т.ч. скребла *déjeté*. Среди всех ансамблей каменного инвентаря индустрия пещеры Окладникова отличается хорошо выраженными мустьеровидными формами. Для пещерных отложений получены даты: слой 1 — 33 500 ± 700 лет (RIDDLE-718); слой 2 — 37 750 ± 750 лет (RIDDLE-719); слой 3 — 28 470 ± 1 250 лет (СО РАН-2459), 32 400 ± 500 лет (RIDDLE-721), 43 700 + 1 100 / -1 300 лет (RIDDLE-720), 43 300 + 1 300 / -1 500 лет (RIDDLE-722); слой 7 — 44,6 ± 3,3 лет (Pa-231 agl kyr)*, 44,8 ± 4 лет (Th-230 agl kyr)*. Учитывая маломощность рыхлых отложений под навесом и возможность заражения образцов “мо-

* Дата получена в Южно-Калифорнийском университете США.

лодым” углеродом, некоторые даты, возможно, “омоложены”. Археологический материал из всех культуроросодержащих горизонтов гомогенный, он накапливался в узком хронологическом диапазоне – от 40 до 44 тыс. л.н. Палеоантропологический материал включает зубы (слои 7, 3 и 2), фрагментированные кости стопы и грудной клетки (слой 3). В ряде статей сборника подробно характеризуются находки из пещеры Окладникова, потому что неверное определение К. Тернера (это он сам признал в устной беседе) стало единственным широко известным и цитируемым. Вероятно, анализ мтДНК из палеоантропологических находок пещеры Окладникова подтвердит предположение Е.Г. Шпаковой о расселении в Южной Сибири *Homo sapiens sapiens*.

Ева или мультирегиональная эволюция человека?

Я являюсь убежденным сторонником полицентрической (мультирегиональной) гипотезы происхождения *Homo sapiens sapiens* и его культуры. Не отрицая возможности формирования человека современного анатомического типа в Африке 200–100 тыс. л.н. считаю, что в реальности нет доказательств замещения архаичных популяций в Европе, Передней и Малой Азии, на Ближнем Востоке современным человеком. Имеющийся фактический материал (как археологический, так и палеоантропологический) не позволяет сделать выбор в пользу одной из этих гипотез. Археологические материалы из Центральной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии убедительно свидетельствуют, что 150–35 тыс. л.н. никакого миграционного потока, который сменил бы автохтонные индустрии и местное население, не было.

Исходя из археологических и пока скудных антропологических материалов из пещер и стоянок открытого типа на Горном Алтае, можно сделать вывод, что на этой территории начиная с 300 тыс. л.н. индустрия развивалась без заметного влияния извне. В результате эволюционного развития 50–40 тыс. л.н. формировалась индустрия, присущая верхнепалеолитической эпохе. Но это только часть проблемы. Исследованиями установлено, что эволюция древней индустрии на территории Горного Алтая происходила в неразрывной связи с формированием человека современного физического типа. Этим еще раз подтверждается следующий тезис: процессы становления *Homo sapiens sapiens* и культуры верхнего палеолита в Южной Сибири не имеют временной связи и зависимости. Причины, которые 50–40 тыс. л.н. на значительной территории Евразии обусловили переход к новому культурно-историческому этапу, возможно,

были другими. Особая важность изучения палеолита Горного Алтая определяется тем, что в этом регионе человеком второй миграционной волны был сформирован особый рефугиум культурно-исторического развития. То, что развитие индустрии и самого человека происходило при минимальном влиянии извне, с моей точки зрения, доказывает справедливость гипотезы мультирегиональной эволюции человека.

В полной мере региональный фактор происхождения *Homo sapiens sapiens* проявился в Восточной и Юго-Восточной Азии. В этих регионах древние популяции *Homo erectus* и близких к ним форм древних людей (в китайско-малайской зоне выявлена большая серия палеоантропологических находок, свидетельствующих об эволюции человека) в течение миллиона лет развивали культуру, отличную от культур на остальной части Евразии. Переход к верхнему палеолиту и ранний этап верхнего палеолита в китайско-малайской зоне, как и в Африке (атер и даббан), имели свои отличительные характеристики. Пластинчатые индустрии на территории Китая появились ок. 30 тыс. л.н., Кореи – после 30 тыс. л.н., Японии – ок. 20 тыс. л.н. Их распространение связано с пластинчатыми индустриями Южной Сибири и российского Дальнего Востока. Пока невозможно однозначно ответить на вопрос, что лежит в основе распространения пластинчатой индустрии в Восточной Азии – миграция или диффузия. Возможно, инновационные признаки являются результатом контактов древнего населения.

При всем уважении к результатам генетических исследований палеоантропологического материала следует отметить, что, согласно археологическим материалам, в китайско-малайской зоне древние популяции (*Homo erectus*) первого миграционного потока не исчезли и не были замещены другими, более прогрессивными популяциями, а эволюционировали. Это и привело к формированию *Homo sapiens sapiens*.

Пока нет точного представления о том, кем были представители второй миграционной волны, но фрагментарные палеоантропологические материалы из пещер Денисовой и Окладникова позволяют сделать предварительный вывод: это был не неандерталец, а древний человек, который эволюционировал в человека современного физического типа.

Восточной границей распространения неандертальцев считались западные районы Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан). По мнению некоторых генетиков, неандертальцы не входят в филогенетическую линию современного человека. С этим утверждением трудно согласиться. С моей точки зрения, человек современного физического типа, который сформировался в Африке 200–100 тыс. л.н., и неандерталец были подвидами одного вида (*Homo*

erectus?). Между теми и другими происходило скрещивание, появлялось жизнеспособное потомство. В Европе, на Ближнем Востоке и в других регионах их расселения 50–30 тыс. л.н. представители этих подвидов не только уничтожали друг друга, но и сосуществовали. Трудно также согласиться с мнением ученых, которые утверждают, что верхний палеолит появился там и только там, где обитали неандертальцы, а конкурентная борьба с пришедшим на эту территорию человеком современного физического типа привела к формированию нового культурно-исторического этапа [Svoboda, 1993; Вишняцкий, 2000].

Большое значение для решения проблем мультирегиональной эволюции и судьбы неандертальцев могут иметь результаты исследований грота Оби-Рахмат в Узбекистане (см.: [Деревянко и др., 2001; Грот Оби-Рахмат, 2004]). При раскопках грота установлена непрерывная последовательность культуры человека в диапазоне от 90 до 30 тыс. лет. Начиная с горизонта 21 и до верхних культуросодержащих горизонтов, относящихся к развитому верхнему палеолиту, наблюдаются непрерывная эволюция пластинчатой индустрии и стандартизация орудийного набора. Материалы культуросодержащего горизонта 14, датированного > 46 000 и 48 800 ± 2 400 л.н., демонстрируют уже сложившуюся верхнепалеолитическую индустрию. Находки в Средней Азии и других частях Старого Света убедительно свидетельствуют о независимости формирования нового культурно-исторического этапа в Евразии.

В 2003 г. в культуросодержащем горизонте 16 (относительно датируется 56–54 тыс. л.н.) грота Оби-Рахмат были обнаружены зубы, фрагменты свода черепа и пирамида височной кости, лабиринт которой исследован с помощью компьютерной томографии. Исходя из данных анализа зубов и фрагментов черепа, антропологи пришли к следующему выводу: “Мозаичная морфология, отражающая смесь архаичных и современных черт, обычно (в отсутствии ключевых анатомических частей типа ментального симфиза) препятствует таксономической идентификации останков. Кроме того, признание существования индивидуумов с мозаичной морфологией краниальных частей в период верхнего плейстоцена может потребовать пересмотра содержания таких определений, как архаичные, современные и мозаичные признаки, применительно к оценке таксономической принадлежности, процесса видообразования, а также систематической номенклатуры различных групп ископаемых гоминидов” [Гланц, Виола, Чикишева, 2004, с. 92]. Изучение морфологии ушного лабиринта позволило сделать предположение об определенном генетическом обмене между популяцией, к которой принадлежал индивидуум OR-1 (Оби-Рахмат I), как с неандертальцами, так и с людьми современного

облика. Схожий вывод был предложен для объяснения мозаичной морфологии детского скелета из Лагар Вельо [Duarte et al., 1999; Виола, Зайдлер, Нэдден, 2004].

Дальнейшее изучение грота Оби-Рахмат может подтвердить, а может и опровергнуть предположение о метисации. На данном этапе больше аргументов в пользу того, что находка из Оби-Рахмата представляет собой результат метисации неандертальца и человека современного физического типа.

Внутривидовое единство ранних *Homo sapiens sapiens* и неандертальцев объясняет многие процессы, которые проходили на Ближнем Востоке, в Малой и Передней Азии, Европе 100–30 тыс. л.н.

Человек современного физического типа, сформировавшийся в Африке 200–100 тыс. л.н., не внес существенных изменений ни в усовершенствование индустрии, ни в адаптационные стратегии. Атер, санго, форсмит и другие мустьерские и постмустьерские индустрии Африки по своему уровню мало превосходили евразийские.

Единственными бесспорными свидетельствами раннего расселения (стадия 5 СПЕСМАР) анатомически современного человека являются материалы из пещер Схул и Кавзех (Левант). Более полувека продолжается дискуссия о сосуществовании на этой территории раннего человека современного физического типа и неандертальцев, о хронологическом разрыве и степени анатомической преемственности между первыми людьми в Леванте и *Homo sapiens sapiens* верхнего палеолита (см.: [Кауфман, 2002]). Сосуществование человека современного физического типа и неандертальцев имело место в интервале 100–30 тыс. лет. Сценарии такого соседства различны: борьба, возможно, происходила как между группами, так и внутри каждой из групп. И, конечно же, неизбежно происходило скрещивание, шел процесс метисации, который ввиду скудости палеоантропологических материалов пока проследить очень сложно. По многим качественным показателям (объем головного мозга, адаптивные стратегии, уровень индустрии и др.) неандертальцы анатомически почти ни в чем не уступали современным людям.

Со студенческой скамьи у меня было какое-то особое отношение к неандертальцам. Они представлялись мне настоящими землепроходцами, которые мужественно осваивали северные широты. Мне думается, что если бы европейского неандертальца можно было сводить в салон к модному парикмахеру, надеть на него фрак, ковбойскую шляпу, то он, наверное, не смог бы дирижировать симфоническим оркестром, но слушал бы музыку Вивальди с большим удовольствием.

Уважаемые коллеги – господа ученые, не обижайте, пожалуйста, неандертальцев. Они тоже наши предки!

Список литературы

- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С.** Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. – Новосибирск: Наука, 1996. – 246 с.
- Виола Б., Зайдлер Х., Нэдден Д.** Изучение верхних краев пирамид височных костей OR-1 с помощью компьютерной томографии // Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 100–105.
- Вишняцкий Л.Б.** “Верхнепалеолитическая революция”: география, хронология, причины // *Stratum*. – 2000. – № 1. – С. 245–271.
- Гланц М., Виола Б., Чикишева Т.** Новые останки гоминоидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 77–93.
- Грот Оби-Рахмат.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 207 с.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х.** Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 42–63.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 223 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.
- Кауфман Д.** Вопросы преемственности эволюции человека современного анатомического типа на материалах Леванта // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 53–61.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
- Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М., Горланова Л.А.** Тысячелетняя реконструкция температуры лета на Полярном Урале: данные древесных колец можжевельника сибирского и лиственницы сибирской // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 2–5.
- Шпакова Е.Г.** Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 64–76.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125–138.
- Alekseev V.** The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // *The Paleolithic Siberia*. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. – P. 329–335.
- Encyclopedia of Human Evolution and Prehistory.** – Garland: Publishing Inc., 2000. – 753 p.
- Duarte C., Mauricio J., Pettitt P.B., Souto P., Trinkaus E., Van der Plicht H., Zilhro J.** The Early Upper Paleolithic Human skeleton from the Abrigo do Velho (Portugal) and modern human emergence in Iberia // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. – 1999. – № 96. – P. 7604–7609.
- Svoboda J.** The Complex origin of the Upper Paleolithic in the Czech and Slovak Republics // *Before Lascaux: The Complex Record of the Early Upper Paleolithic*. – CRC Press, 1993. – P. 23–36.
- Turner C.G.** Physical anthropology in the U.S.S.R today. Pt. II // *Quaternary Review of Archaeology*. – 1983. – Vol. 8, N 3. – P. 4–6.
- Turner C.G.** Paleolithic Siberian Dentition from Denisova and Okladnikov Caves, Altaiskiy Kray, USSR // *Current Research on the Pleistocene*. – 1990. – N 7. – P. 65–66.

Материал поступил в редколлегию 10.05.05 г.